

ЗИНАИДА ГИППИУС

СТИХОТВОРЕНИЯ.
1911–1945

Зинаида Николаевна Гиппиус Стихотворения. 1911–1945

Аннотация

«Он вечно юн. Его вино встречает.
А человека, чья зажглась заря
В сверкающую пору января, –
Судьба как бы двойная ожидает.
И волею судьбу он избирает.
Пока живет страдая и творя,
Алмазной многоцветностью горя –
Он верен, он идет – и достигает...»

Содержание

Неуместные рифмы	5
Январь – алмаз	9
Кипарисы	10
Свое	11
Амалии	14
Сергею Платоновичу Каблукову	15
«Оле»	16
Девочка	17
«Аркаша, Аркаша...»	19
Ответ ***	21
Тебе	23
На – крест	24
Три креста	25
Завяжи	26
Серебряный день	27
Опущение	28
«Плотно заперта банка...»	29
«Нет выбора, что лучше и что хуже...»	30
«Ходит, дышит, вьется, трется между нами...»	31
Жизнеописание Ники	32
Вере	43
С лестницы	44
О:	45

«Опять мороз! И ветер жжет...»	47
Рано?	49
Ленинские дни	50
Издевка	51
Мелешин-Вронский	52
Копье	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Зинаида Гиппиус

Стихотворения. 1911–1945

Неуместные рифмы

1

Ищу напевных ше –

потов

В несвязном шу –

ме,

Ловлю живые шо –

рохи

В ненужной шу –

тке.

Закидываю не –

воды

В озера гру –

сти,

Иду к последней не –

жности

Сквозь пыль и гру –

бость

Ищу росинки и –
кристых
В садах непра –
вды,
Храню их в чаше и –
тины,
Беру из пра –
ха.
Хочу коснуться сме –
лого
Через горечь жи –
зни.
Хочу прорезать сме –
ртное
И знать, что жив –
я.
Меж цепкого и ле –
пкого
Скользнуть бы с ча –
шей.
По самой темной ле –
стнице
Дойти до сча –
стья.

Верили
мы в неверное,
Мерили
мир любовью,
Падали
в смерть без ропота,
Радо ли
сердце Божие?
Зори
встают последние,
Горе
земли не изжито,
Сети
крепки, искусные,
Дети
земли опутаны.
Наша
мольба не услышана,
Чаша
еще не выпита,
Сети
невинных спутали,
Дети
земли обмануты...

Падали,
вечно падаем...
Радо ли
сердце Божие?

Январь – алмаз (сонет)

Он вечно юн. Его вино встречает.
А человека, чья зажглась заря
В сверкающую пору января, –
Судьба как бы двойная ожидает.
И волею судьбу он избирает.
Пока живет страдая и творя,
Алмазной многоцветностью горя –
Он верен, он идет – и достигает.

Но горе, если в поворотный час
Изменит он последнему усилию:
Тогда возможное не станет былью,
Погаснет камень января – алмаз.
А та душа, чей талисман погас, –
Бесследной разлетится пылью.

19 января 1911

Кипарисы

Они четой растут, мои нежные,
Мои узкие, мои длинные,
Неподвижные – и мятежные,
Тесножатые – и невинные...

Прямей свечи,
Желания колючей,
Они – мечи,
Направленные в тучи...

1911

Свое

По темным скатам, на дороге
Шуршат опавшие листья.
Идет Дон-Карлос легконогий,
Прозрачны жаркие мечты.

Идет он с тайного свиданья...
Он долго ждал, искал, молил –
Свершилось! Дерзкие желанья
Он с нежной Нонной утолил.

О, как была она прекрасна
Во гневе горестном своем!
И улыбается он ясно,
Закрывшись бархатным плащом.

«Подите прочь! Дон-Карлос, вы ли
Так недостойно, в эту ночь
Ко мне прокрались, оскорбили...
Забвенья нет... Идите прочь!

О, знали вы: из сожаленья
Я дерзость ваших ласк терплю.
В моей душе одно презренье,
Я не любила! Не люблю!»

Он целовал ей кончик платья,
Шептал: «Прости мне! Ты – чиста!»
Но помнил – лишь ее объятия,
Ее горячие уста.

И думал: если ты несчастна –
Зато безмерно счастлив я.
Что о любви твердить напрасно?
Мила нам страсть, и страсть своя.

Сжимал я трепетное тело,
Изведал сладостную власть...
Мученьем, гневом, – что за дело,
Чем ты ответишь мне на страсть?

И стон ли счастья, крик ли боли –
Они равны в моем огне.
А разделенный поневоле –
Он ярче и милее мне...

Но молча слушал он укоры.
Сказать? Она не поняла б...
И от разгневанной синьоры
Он, властелин, ушел – как раб.

Невинны нити всех событий,
Но их не путай, не вяжи,
И чистота, единость нити

Всегда спасут тебя от лжи.

Мерцает полночь; на дороге
Едва шуршит упавший лист.
Идет Дон-Карлос легконогий,
Невинен, верен, прав и чист.

Амалии

Люблю тебя ясную, несмелую,
Чистую, как ромашка в поле.
Душу твою люблю я белую,
Покорную Господней воле.

И радуюсь радостью бесконечною,
Что дороги наши скрестились,
Что люблю тебя любовью вечною,
Как будто мы вместе – уже молились.

26 марта 1911

Париж

Сергею Платоновичу Каблукову

Темны российские узоры:
Коровы, пьянство и заборы,
Везде измены и туманы
Да Кукол Чертовых обманы...
Пусть! верю я, и верить буду
Наперекор стихиям – чуду,
И вас зову с собою: верьте!
Но верой огненной, – до смерти.

27 сентября 1911

С.-Петербург

«Оле»

Безвольность рук твоих раскинутых...
уста покорные молчат.
И сквозь ресниц полусодвигнутых
едва мерцает бледный взгляд.

Ты вся во власти зыбкой томности
и отдающегося сна...
О, не любовью, грешной темностью
моя душа уязвлена.

Пусть не люблю – нет сожаления,
пусть ты не любишь – всё равно,
меня жестокости и дления
пьянит холодное вино.

Как будто в дьявольское зеркало
взглянули мы... Оно светло,
и нас обоих исковеркало
его бездонное стекло.

Девочка

Я претепло одета:
Под капором коса.
Гулять – теперь не лето –
Иду на полчаса.

Погода-то какая!
Снежок хрустит, хрустит.
Далёко бы ушла я,
А няня не велит.

Схватиться бы за санки,
Скатиться бы с горы,
Да я с Феклистой няней,
А с ней не до игры.

Противная Феклиста!
Не хочет ничего,
Вот Ваню гимназиста
Пускают одного.

Твердит: «Ты не мальчишка,
Тебе нельзя одной».
А брат пригодишка
Гуляет, как большой.

Башлык наденет рыжий,
Коньки несет, звеня,
А сам и ростом ниже,
Да и глупей меня.

Смеется: «Я направо,
Не надо мне Феклист».
Ах, как досадно, право,
Что я не гимназист!

«Аркаша, Аркаша...»

Аркаша, Аркаша,
Во рту твоём каша,
    Но что-то в тебе восхитительное.
Румян ты и сдобен,
Купидоподобен,
    Как яблочко весь – ахтительное.
Поспорили ныне
Две лучших богини,
    Любви твоей радостной жаждая,
И пламень твой страстный
Делить не согласны,
    Всего тебя требует каждая.
Ты с ними уветлив,
Невинно кокетлив,
    И спором весьма удручаешься.
Как шарушек каткий,
И нежный, и сладкий,
    Меж ними приятно катаешься.
Настроил ты скиний,
Везде по богине,
    Всё счастье богинь тебе вверено;
Но, схавав манатки,
Во все-то лопатки
    Уехал Аркашенька в Верино.

Ответ ***

Всё так просто, всё мне мило,
Шмель гудит, цветет сирень,
Солнце ясно восходило:
Ясный будет нынче день.

Дятел ползает на ветке...
Нет, иду, не утерплю...
Знаю, знаю, ты в беседке,
Ты, которую люблю!

Ах, любовь всегда наивна
(Если истина она),
У поительно-призывна,
Драгоценно-неумна.

И не ходит по дорогам,
Где увял сирени цвет,
Где в томленьи слишком строгом
Грезим мы о слишком многом,
О любви, которой нет.

Ах, любовь проста, как роза!
Успокоит – опьяня.
Не стыдись, моя мимоза,

Благодатного огня.

Будем ясно жить на свете,
В сердце есть на всё ответ.
Любим мы, да любят дети,
А иной любви и нет.

Целоваться б неотрывно
Там, в беседке, у реки...
Я наивен – ты наивна,
Остальное пустяки.

Остальное всё ничтожно –
Если, впрочем, не шучу.
Но об этом осторожно,
Осторожно умолчу.

Тебе

В горькие дни, в часы бессонные
Боль побеждай, боль одиночества.
Верь в мечты свои озаренные:
Божьей правды живы пророчества.

Пусть небеса зеленеют низкие,
Помни мысль свою новогоднюю.
Помни, есть люди, сердцу близкие,
Веруй в любовь, в любовь Господнюю.

1 января 1913

На – крест

Стены белы в полуночный час.
Вас ли бояться, – отмены, измены?

Мило мне жизни моей движенье,
Биенье, – забвенье того, что было,

Знак переплета... Сойдутся ль, нет ли
Петли опять – но будет не так.

Тают мгновенья, пройти не хотят...
Рад я смене, пусть умирают.

Слов не надо – хотения смелы.
Белы стены поздних часов.

1914

Три креста

О, Бельгия, земля святых смертей!
Ты на кресте, но дух твой жив и волен.
И перед ним – что кровь твоих детей
И дым, и гарь воздушных колоколен?
На Польшу, близкую сестру, взгляни, –
Нет изумительней ее удела:
Безумием пылающие дни
Ей два креста судили: на одном
Ее истерзанное тело, –
Душа немая на другом.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданий не забудет.
Голгофа – ради воскресенья,
И веруем, – да будет!

Завяжи

Если хочешь говорить –

Говори ясно.

Если вздумаеть любить –

Люби прекрасно.

Если делать – делай так,

Чтобы делу выйти.

Если веришь – дай мне знак,

Завяжи нити...

Серебряный день

А. О. Лурье

Люблю, люблю серебряные дни,
Без солнца – в солнце, в облачной тени.

Как риза брачная, свежа, ясна
Задумчивого моря белизна;

Колеблется туман над тихой далью,
А голос волн и ласковой, и глуше...

Такие я встречал людские души:
Овеяны серебряной печалью,

Они улыбкою озарены,
В них боль и радость вечно сплетены...

И любит буйная моя мятежность
Их детскую серебряную нежность.

Опущение

Армяк и лапти... да, надень, надень
На Душу-Мысль свою, коварно-сложную,
И пусть, как странница, и ночь и день,
Несет сермяжную суму дорожную.

В избе из милости под лавкой спит,
Пускай наплачется, пускай намается,
Слезами едкими свой хлеб солит, –
Пусть тяжесть земная ей открывается...

Тогда опять ее прими, прими
Всепопбедившую, смиренно-смелую...
Она, крылатая, жила с людьми,
И жизнь вернула ей одежду белую.

«Плотно заперта банка...»

Плотно заперта банка.
Можно всю ночь мечтать.
Можно, встав спозаранка,
То же начать опять.

Можно и с пауками
Играть, полезть к ним в сеть.
Можно вместе с мечтами
Весело умереть.

«Нет выбора, что лучше и что хуже...»

Нет выбора, что лучше и что хуже.
Покину ль я, иль ты меня покинешь –
Моя любовь стрелы острей и уже –
Конец зазубрен: ты его не вынешь.

«Ходит, дышит, вьется, трется между нами...»

Ходит, дышит, вьется, трется между нами
Черный человечек с белыми глазами.
Липой ли он пахнет, потом или сеном?
Может быть, малинкой, а быть может, тленом.

Черный ползунишка с белыми глазами,
Пахнувший постелью, мясом и духами,
Жертвочек ты ищешь, ловишь в водах мутных,
Любишь одиноких деток перепутных.

Жизнеописание Ники

1

«Нет, я не льстец!» Мои уста
Свободно Ника¹ славословят.
Ни глад, ни мор, ни теснота,
Ни трус меня не остановят.

Ты скромн, Ника, но ужель
Твои дела мы позабыли?
Преследуя святую цель,
Трудился с Филиппом² – не ты ли?

Ты победил надеждой страх,
Недаром верила Россия!
На Серафимовых³ костях
Не ты ли зачал Алексия?

---

¹ Ник – Никс – Николай II. (Подстрочные примечания к тексту сделаны С. П. Каблуковым.)

² Ф. – спирит, лечивший Ал<ександру> Ф<едоровну>, рождавшую только девочек.

³ После открытия мощей пр<еподобного> Серафима Саровского родился у Николая сын Алексей, очень болезненный.

Не ты ль восточную грозу
Привлек, махнувши ручкой царской?
И пролил отчую слезу
Над казаками – в день январский?⁴

Толпы мятежные лились...
У казаков устали руки.
Но этим только начались
Твои, о Ник, живые муки.

Ты дрогнул, поглядев окрест,
И спешно вызвал Герра Витта...⁵
Наутро вышел манифест...
Какой? О чем? Давно забыто.

Но сердце наше Ник постиг.
Одних сослал, других повесил.
И крепче сел над нами Ник,
Упрямо тих и мирно весел.

С тех пор один он блюл, хранил
Жену, Россию и столицу
И лишь недавно их вложил
В святую Гришину⁶ десницу.

---

⁴ 9 января 1905 года – манифестация рабочих с священником Гапоном во главе перед Зимним дворцом была разогнана казаками.

⁵ Граф С. Ю. Витте, инициатор манифеста 17 октября 1905 года.

⁶ Гриша – Григорий Ефимович Новых, прежде Распутин, ныне «придворный духовный собеседник» с жалованием в 12 000 р. в год, по слухам едва ли

Коль раскапризится дитя, –
Печать, рабочие и Дума, –
Вдвоем вы справитесь, шутя:
Запрете их в чулан без шума.

На что нам Дума и печать?
У нас священный старец Гриша.
Россия любит помолчать...
Спокойней, дети, тише, тише!..

И что нам трезвость⁷, что война?
Не страшны дерзкие Германы.
С тобою, Ники, без вина
Победоносны мы и пьяны.

И близок, близок наш тупик
Блаженно-смертного забвенья,
Прими ж дары мои, о Ник,
Мои последние хваленья.

Да славит всяк тебя язык!
Да славит вся тебя Россия!
Тебя возносим, верный Ник!
Мы богоносцы – ты Мессия!

неверным – любовник жены Ник«олая» и постоянный его советник во всем.

⁷ С 19 июля 1914 г. в России запрещена продажа вина и спиртных напитков, но пьянство уменьшилось мало.

От здешних Думских оргий
 На фронт вагонит Никс,
 При нем его Георгий⁸
 И верный Фредерикс⁹.

Всё небо в зимних звёздах.
 Железный путь готов:
 Ждут Никса на разъездах
 Двенадцать поездов.

.....

На фронте тотчас слово
 Он обратил к войскам:
 «Итак, я прибыл снова
 К героям-молодцам.

Спокойны будьте, дети,
 Разделим мы беду –
 И ни за что на свете
 Я с места не сойду.

Возил сюда сынишку,

---

⁸ Георгиевская дума присудила ему знак ордена Георгия 4 степени.

⁹ Старый граф Фредерикс – министр Императорского Двора – из немцев.

Да болен он у нас.
Так привезу вам Гришку
Я в следующий раз.

Сражайтесь с Богом, тихо,
А мне домой пора».
И вопят дети лихо:
«Ура! ура! ура!»

Донцы Крючков и Пяткин¹⁰
Вошли в особый пыл,
Но тут сам Куропаткин¹¹
С мотором подкатил.

Взирает Ника с лаской
На храброго вождя...
В мотор садятся тряский,
Беседу заведя.

Взвилася белым дыбом
Проснеженная пыль
И к рельсовым изгибам
Запел автомобиль.

Опять всё небо в звездах,

---

¹⁰ Два казака, отличившиеся особой военной удалейю и жестокостью.

¹¹ А. Н. Куропаткин – бывший главнокомандующий во время неудачной для нас Японской войны 1904 г., теперь командует армиями Северо-Западного фронта.

И пробкой¹², как всегда,
Шипят на ста разъездах
Для Ники поезда.

К семье своей обратно
Вагонит с фронта Никс.
И шамкает невнятно:
«В картишки бы приятно» –
Барон фон Фредерикс.

3

«Буря мглою небо» слюнит,
Завихряя вялый снег,
То как «блок» она занюнит,
То завоюет, как «эс-дек».

В отдаленном кабинете
Ропщет Ника: «Бедный я!
Нет нигде теперь на свете
Мне приличного житья!

То подымут спозаранку

---

¹² Поезда, ждущие Николая», затрудняют гражданское железнодорожное движение.

И на фронт велят скакать¹³,
А воротишься – Родзянку¹⁴
Не угодно ль принимать.

Сбыл Родзянку – снова крики,
Снова гостя принесло:
Белый дядя Горемыкин¹⁵
В страхе едет на Село.

Всё боится – огерманюсь,
Или в чем-нибудь проврюсь...
Я с французами жеманюсь,
С англичанами тянусь...

Дома? Сашхен¹⁶ всё дебелий,
Злитя, черт ее дери...
Все святые надоели –
И Мардарий¹⁷ и Гри-Гри¹⁸.

---

¹³ Частые поездки в действующую армию.

¹⁴ Предс«едатель» 4-ой Государственной Думы камергер М. В. Родзянко надоедает Николасу» своими предостережениями, требованиями, указаниями и пр.

¹⁵ Статс-секретарь И. Л. Горемыкин, бывший дважды после 1905 г. Председателем Совета Министров – последний раз с 1914 – февраль 1916 г., когда по рекомендации Распутина был уволен и заменен гофмейстером Борис«ом» Владимировичем» Штюрмером.

¹⁶ Сашхен – императрица Александра Феодоровна.

¹⁷ Мардарий – иеромонах черногорец, выдает себя за секретаря митрополита Черногорского, студент 4-го (?) курса здешней Д«уховной» Академии. Отличается особенным женолюбием и, по мнению женщин, красотой. При дворе является

Нет минуты для покоя,
Для картишек и вина.
Ночью, «мглою небо кроя»,
Буря ржет, как сатана.

Иль послать за Милюковым?¹⁹
Стойкий, умный человек!
Он молчанием иль словом
Бурю верно бы пресек!

Совершится втайне это...
Не откроет он лица...
Ох, боюсь, сживут со света!
Ох, нельзя принять «кадета»²⁰
Мне и с заднего крыльца!

Нике тошно. Буря злая
Знай играет, воеет, лает
На стотысячный манер.
Буря злая, снег взвихряя,
То «эн-эсом»²¹ зарыдает,

конкурентом Распутина.

¹⁸ Гри-Гри – Распутин.

¹⁹ Павел Николаевич Милюков – лидер конституционно-демократической партии. Историк. Депутат Думы всех 4-х созывов – известный общественный деятель.

²⁰ «Ка-дет» – принадлежащий к конституционно-демократической партии.

²¹ «Эн-эс» – член партии народных социалистов (н.-с.).

То взгрохочет, как «эс-эр»²².

Полно, Ника! Это сон...

Полно, выпей-ка винца!

В «Речи»²³ сказано: «спасен

Претерпевый до конца»²⁴.

4

Со старцем²⁵ Ник беседовал вдвоем.

Увещевал его блаженный: «Друже!

Гляди, чтоб не было чего похуже.

Давай-ка, милый, Думу соберем.

А деда²⁶ – вон: слюнявит да ворчит.

Бери, благословись, который близко,

Чем не министр Владимирыч Бориска?²⁷

Благоуветливый и Бога чтит.

---

²² «Эс-эр» – социалист-революционер (с.-р.).

²³ См. «Речь» 25 дек. 1915 г., статья Д. Философова.

²⁴ Д. В. Философов – друг З. Гиппиус и мой – известный публицист, радикал и общественный деятель.

²⁵ Разумеется Гр. Распутин.

²⁶ И. Л. Горемыкина.

²⁷ Борис Владимирович Штюмер – заменил Горемыкина – ср. выше примечание».

Прощайся, значит, с дединыкою, – раз,
И с энтим, с тем, что рыльце-то огнивцем,
Что брюхо толстое – с Алешкою убивцем²⁸.
Мне об Алешке был особый глас.

Да сам катись в открытье – будет прок!
Узрят тебя, и все раскиснут – лестно!
Уж так-то обойдется расчудесно...
Катай, катай, не бойся, дурачок!»

Увещевал его святой отец.
Краснеет Ника, но в ответ ни слова.
И хочется взглянуть на Милюкова,
И колется... Таврический Дворец.

Но впрочем, Ник послушаться готов.
Свершилось всё по изволенью Гриши:
Под круглою Таврическою крышей
Восстали рядом Ник и Милюков.

А Скобелев, Чхеидзе и Чхенкели²⁹,
В углах таясь, шептались и бледнели.

---

²⁸ Алешка убивец – так называет Григ. Распутин Алексея Николаевича Хвостова, заменившего князя Н. Щербатова в должности Министра Внутренних Дел и на днях уволенного. Подозревается в замысле устроить покушение на Гр. Распутина.

²⁹ Чхеидзе, Чхенкели и Скобелев – социал-демократы, члены Государственной Думы.

Повиснули их буйные головки.
Там Ганфман³⁰ был и Бонди³¹ из «Биржевки» –
Чтоб лучше написать о светлом дне...
И написали... И во всей стране

Настала некая тишина,
Пусть ненадолго – все-таки отдышка.
Министров нет – один священный Гришка...
Мы даже и забыли, что война³².

Март 1916

---

³⁰ Ганфман – редактор газеты «Речь».

³¹ Бонди – редактор газеты «Биржевые Ведомости» – «Биржевка».

³² Имеется в виду приезд Николая на открытие весенней думской сессии 1916 г в Таврический Дворец.

Вере

На луне живут муравьи
И не знают о зле.
У нас – откровенья свои,
Мы живем на земле.

Хрупки, слабы дети луны,
Сами губят себя.
Милосердны мы и сильны,
Побеждаем – любя.

29 апреля 1916
С.-Петербург

С лестницы

Нет, жизнь груба, – не будь чувствителен,
Не будь с ней честно-неумел:
Ни слишком рабски-исполнителен,
Ни слишком рыцарски-несмел.

Нет, Жизнь – как наглая хипесница:
Чем ты честней – она жадней...
Не поддавайся жадной; с лестницы
Порой спускать ее умей!

28 мая 1916

Кисловодск

О:

Знаю ржавые трубы я,
понимаю, куда бег чей;
знаю, если слова грубые, –
сейчас же легче.

Если выберу порвотнее
(как серое мыло),
чтобы дур тошнило,
а дуракам было обидно –
было! –

сейчас же я беззаботнее,
и за себя не так стыдно.

Если засадить словами
в одну яму Бога и проститутку,
то пока они в яме –
вздохнешь на минутку.

Всякий раскрытый рот мажь
заношенной сорочкой,
всё, не благословись, наотмашь
бей черной строчкой.

Положим, тут самовраньё:
мышонком сверкнет радость;
строчки – строчки, не ременьё;
но отдышаться надо ж?

Да!

Так всегда!
скажешь погаже,
погрубее, – сейчас же
весело, точно выпил пенного...
Но отчего?
Не знаю, отчего. А жалею и его,
его, обыкновенного,
его, таковского,
как все мы, здешние, – грешного, –
Владимира Маяковского.

13 октября 1916

«Опять мороз! И ветер жжет...»

Опять мороз! И ветер жжет
Мои отвыкнувшие щеки,
И смотрит месяц хладноокий,
Как нас за пять рублей влечет
Извозчик, на берега Фонтанки...
Довез, довлек, хоть обобрал!
И входим мы в Петровский зал,
Дрожа, промерзнув до изнанки.
Там молодой штейнерианец
(В очках и лысый, но дитя)
Легко, играя и шутя,
Уж исполнял свой нежный танец.
Кресты и круги бытия
Он рисовал скрипучим мелом
И звал к порогам «оледелым»
Антропософского «не я»...
Горят огни... Гудит столица...
Линялые знакомы лица, —
Цветы пустыни нашей невоской:
Вот Сологуб с Чеботаревской,
А вот, засунувшись за дверь,
Василий Розанов и дочь...
Грустит Волынский, молю трачен,
Привычно Ремизов невзрачен,

След прошлого лежит на Пясте...
Но нет, довольно! Что так прытко?
Кончается моя открытка!
Домой! Опять я в вашей власти –
Извозчик, месяца лучи
И вихря снежного бичи.

Рано?

Святое имя среди тумана
Звездой далекой дрожит в ночи.
Смотри и слушай. И если рано –
Будь милосерден, – молчи! молчи!
Мы в катакомбах; и не случайно
Зовет нас тайна и тишина.
Всё будет явно, что ныне тайно,
Для тех, чья тайне душа верна.

Ленинские дни

«В эти дни не до „поэзии“»

О, этот бред партийный,
Игра, игра!
Уж лучше Киев самостийный
И Петлюра!..

12 декабря 1917

СПБ

Издевка

Ничего никому не скажешь
Ни прозой, ни стихами;
Разделенного – не свяжешь
Никакими словами.

Свернем же дырявое знамя,
Бросим острое древко;
Это черт смеется над нами,
И надоела издевка.

Ведь так в могилу и ляжешь, –
И придавит могилу камень, –
А никому ничего не скажешь
Ни прозой, ни стихами...

Мелешин-Вронский (шутя)

Наш дружносельский комиссар –
Кто он? Чья доблестная сила
Коммунистический пожар
В его душе воспламенила?

Зиновьев, Урицкий, иль Он,
Сам Ленин, старец мудроглавый?
Иль сын Израиля – Леон,
Демоноокий и лукавый?

Иль, может быть, от власти пьян
(Хотя боюсь, что ошибуся),
Его пленил левак-Прошьян
И разнесчастная Маруся?

А вдруг и не Прошьян, не Зоф
Нагнал на комиссара морок?
Вдруг это Витенька Чернов, –
Мечта казанских акушерок?

Иль просто, княжеских простынь
Лилейной лаской соблазненный,
Средь дружносельских благостынь

Живет владыка наш смущенный?

В его очах – такая грусть...

Он – весь загадка, хоть и сдобен.

Я не решу вопроса... Пусть

Его решит Володя Злобин.

8 июля 1918

Сиверская

Копье

Лукавы дьявольские искушения,
но всех лукавее одно, – последнее.
Тем невозвратнее твое падение
и неподатливость твоя победнее.

Но тайно верю я, что сердце справится
и с торжествующею преисподнею,
что не притупится и не расплавится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.